

УДК 1+330.34+334.021+334.7

DOI 10.25513/1812-3996.2019.24(1).29-43

РУТИННАЯ ПРИРОДА РАДИКАЛЬНОЙ ИННОВАЦИИ
(Истоки и становление частной долевой компании в Древнем Риме)
I. От публиканов к негоциаторам

А. Е. Петросян

г. Тверь, Россия

Информация о статье

Дата поступления

26.12.2018

Дата принятия в печать

27.12.2018

Дата онлайн-размещения

26.04.2019

Ключевые слова

Новшество, инновация, корпорация, древнеримский бизнес, подъем капитализма

Аннотация. Как примирить беспрестанное обновление человеческого мира со стойким противодействием новым веяниям? Чтобы ответить на этот вопрос, автор подвергает подробному, последовательному и систематическому анализу одно из самых радикальных новшеств – частное долевое предприятие в Древнем Риме. Проследивая его формирование, можно в наиболее выпуклом виде представить структуру социальной инновации и механизм ее развертывания. В первой части дается панорамная картина римского бизнеса конца Республики – начала Империи. Показываются природа и место публичного бизнеса и его основной организационной формы – корпорации как первого хозяйственного юридического лица. Раскрываются истоки и положение частного бизнеса и его роль в подъеме капитализма в Риме. Рассматривается проблема неестественно дорогих рабов (по сравнению со свободным трудом и рабами в других странах Древнего мира) как главного ресурса римского капитализма, и подвергаются критическому анализу основные подходы к ее решению.

THE ROUTINE NATURE OF RADICAL INNOVATION
(the origins and making of private share company in ancient rome)
I. From publicans to negotiatores

A. E. Petrosyan

Tver, Russia

Article info

Received

26.12.2018

Accepted

27.12.2018

Available online

26.04.2019

Keywords

Novelty, innovation, corporation, Roman business, rise of capitalism

Abstract. How to reconcile the constant renewal of human world with its steady opposition to new wafts? To elucidate this knotty point the author scrutinizes the genesis of private share company, one of the most radical novelties. Retracing its genesis allows of bringing into relief the structure and mechanism of social innovation. In the first part, is given a comprehensive view of Roman business at the junction of Republic and Empire. The nature and place of public business and corporation in the status of juridical person, as its main organizational form are shown. The author reveals the origins and the condition of private business and its role in the rise of Roman economy. Is thoroughly examined the problem of “unnaturally” dear slaves as the chief resource of Roman capitalism, the principal approaches to it being critically analyzed and assessed.

Введение

Новшества всегда сталкиваются с неприятием. И чем отчетливее новизна, тем сильнее сопротивление [1]. Тем не менее, многие из них в конце концов

не просто усваиваются, но и находят применение на практике.

Если бы дело обстояло иначе, в человеческой истории не было бы никакого прогресса. Между тем

довольно масштабные и быстро внедряемые новшества – в науке, технологиях, производстве и социальном устройстве – встречаются так часто и проявляют себя настолько явно, что жизнь человеческого общества можно представить едва ли не как непрерывное обновление. Вот почему инновации следует признать своего рода вечным двигателем его поступательного развития.

Возникает странный парадокс. Новое неизменно сталкивается с препятствиями и отвергается. Однако прогресс, который без него немислим, не просто является бесспорным фактом, но с течением времени даже ускоряется. Беспреданно вытесняя существующее новшествами, он предстает как олицетворение невозможного. Как примирить неизменное обновление человеческого мира с его стойким противодействием свежим веяниям?

К числу наиболее удивительных и радикальных инноваций в истории общественной самоорганизации относится появление частного долевого предприятия в Древнем Риме. Оно привлекает внимание не только ролью, сыгранной в хозяйственном развитии, но и тем, что возникло безо всякой поддержки государства и даже вразрез с его установлениями. Эту организационную форму стоило бы назвать социальным изобретением «снизу», продуктом самодеятельности деловых кругов, взламывающим укоренившиеся традиции и устоявшиеся правовые понятия. Вот почему, проследивая генезис такого новшества, можно в наиболее выпуклом виде представить структуру социальной инновации и механизм ее разрывания

Как же возникло совместное доленое предприятие? Почему оно, выглядя революционно и фактически противостоя государственной доктрине регулирования бизнеса, тем не менее, оказалось вполне жизнеспособным и укоренилось в хозяйственной жизни Рима? Это с одной стороны. А с другой – если ничто не помешало его принятию и усвоению обществом, в чем же тогда состояла новизна? Откуда взялось непривычное и неизведанное в нем, и как оно соотносилось и соединялось со старым, знакомым и испытанным? Что из себя представляло это новшество, и как оно сложилось в отдельную реалию?

Под крылом у государства

Рост населения Рима и появление отдаленных провинций и, тем более, заморских доминионов ставили на повестку дня дополнительные задачи, расширяли и усложняли прежние. Нужно было снабжать армию и флот, сооружать общественные здания, доставлять зерно и другую провизию в города,

собирать налоги и арендную плату. Особую актуальность приобрело строительство дорог. Римляне не просто улучшали их, а перестраивали, приспособлявая к собственным нуждам. Они сохраняли, где возможно, старую инфраструктуру, но «не были рабами географии и вполне были готовы прорубать горы и возводить большие мосты через реки, когда это, действительно, требовалось» [2, р. 148]. А значит, им приходилось выполнять значительный объем систематических и сложных работ, в которых было заинтересовано государство.

Вначале решением деловых вопросов занимались Сенат и магистраты. И даже армейские командиры вовлекались в заключение сделок [3, р. 180, 182]. Но с течением времени (особенно со II в. до н. э.) стало очевидным, что такой бизнес носит довольно рискованный характер. Правда, когда за него брались квалифицированные и опытные люди, из него извлекалась и весьма ощутимая выгода. Причем это касалось не только «мирного» бизнеса, но и поставок для армии хлеба, фуража, униформы, лошадей и т. д. – всего, что было нужно, чтобы помочь легионам выигрывать войны [4, р. 27]. Положение усугублялось тем, что государство не обладало аппаратом, способным развернуть столь обширный бизнес. А потому ничего не оставалось, как прибегнуть к услугам частных лиц.

Каждые пять лет цензоры выставляли на аукцион контракты на выполнение различных работ (*sensoris locatio*). Выигрывали те, кто соглашался выполнять их за установленную плату. При этом обозначалась прибыль, которую можно извлечь из того или иного контракта [5, р. 71–72]. С одной стороны, это позволило государству сбросить с себя ненужную ношу и с головой погрузиться в решение более свойственных ему задач. А с другой – многие римляне получили шанс преумножить свои состояния, вкладывая средства в деловые предприятия с большой отдачей.

Таким образом, предпринимательство в Древнем Риме выступало, прежде всего, в форме оказания услуг государству. Этот публичный бизнес (*publicum*) тесно срачивался с ним и представлял собой фактически его продолжение в хозяйственной сфере. Разумеется, он не охватывал всё многообразие деловых отношений. Однако его доминирующее положение в экономике не подлежит сомнению.

Публиканы как подрядчики государства были крупнейшими капиталистами. Они вышли на передний план при ранней Республике и доминировали всюду уже в III – II вв. до н. э. «По всей Италии, – пи-

сал Полибий, – большое число контрактов, которое не так легко подсчитать, выдавалось цензорами на строительство и ремонт общественных зданий, а кроме того, на множество вещей, сдаваемых в аренду, – таких, как судоходные реки, гавани, сады, копи, земли, фактически всё, что составляет часть римских владений» [6, р. 307]. Однако среди оказываемых ими услуг безусловное первенство принадлежало сбору податей в провинциях. Их платили не в фиксированной сумме, а в виде десятины – и не только деньгами, но и зерном. Поэтому там скрывались широкие возможности для спекуляций и, соответственно, извлечения дополнительной выгоды.

В руках публиканов находились также каменоломни, строительство дорог и храмов. Они же собирали доходы с публичных поставок продовольствия и таможенные пошлины. При этом везде, где только было можно, публиканы обходили и нарушали законы. А соблюдать права провинциалов и вовсе казалось им делом необязательным.

Незаконное обогащение публичного бизнеса мало поддавалось искоренению. Ведь им ведали в основном представители элиты. Хотя сенаторская аристократия могла заниматься только поставками продукции из своих имений, и ей было официально запрещено участвовать в денежных спекуляциях, вряд ли она твердо придерживалась этих установлений. Правда, их непосредственное присутствие на римском финансовом рынке не зафиксировано. Однако представители знати легко преодолевали этот барьер посредством участия в крупных партнерствах, эксплуатировавших провинции [7, р. 161]. Так, Катон Цензор, не чуравшийся, по выражению Плутарха, «формы ростовщичества, которая считалась особенно гнусной», был глубоко втянут в бизнес морских перевозок. Он требовал от тех, кому ссужал деньги, объединиться в партнерство, и, когда их количество, равно как и число принадлежавших им судов, достигло пятидесяти, взял в нем себе долю через своего вольноотпущенника Квинцио, которому поручил участвовать во всех делах, предпринимаемых моряками. «Так что, – заключал Плутарх, – не было опасности потерять весь капитал – разве что малую толику его, да и то с перспективой получения большой прибыли» [8, р. 546].

Сановники на местах были в дружеских отношениях со знатными публиканами и обычно не беспокоили их понапрасну. А в тех случаях, когда такими контактами не удавалось обзавестись, публиканы легко находили протекцию у тех, кто ими обладал. Например, в письме к квестору Вифинии Фурию

Крассипу Цицерон не просто напоминает ему, что является другом одной из вифинских компаний, и о «классе людей, из которых она состоит». Он поясняет, что те образуют «один из важнейших факторов в государстве» и «находятся в очень тесных отношениях со мной, особенно тот, кто занимает в настоящий момент должность ее главы», и настоятельно просит поддержать директора, чтобы их «собственность и интересы <...> были надежно защищены и обеспечены настолько, насколько возможно при твоих усилиях». При этом Цицерон подчеркивает, что ему хорошо известно, сколь много оказывается во власти квестора в этой связи, и заверяет Крассипа, что тот обяжет не только его, но и вифинских партнеров, которые, как он знает по своему опыту, «ни забывчивы, ни неблагодарны» [9, р. 38, 40]. Вот почему публикум был не просто весьма заманчивым делом, но чаще всего еще и менее рискованным, чем сугубо частный бизнес.

Корпорация как юридическое лицо

Публиканы, как правило, действовали не сами по себе, а объединялись в партнерства (*societates publicanorum*), которые непосредственно занимались бизнесом. Значительная часть населения Рима имела доли в них, и Форум с его торговыми рядами выглядел своего рода гигантской биржей, где в непрерывном режиме совершались денежные спекуляции. Спрос на эти доли был высоким и всеобщим, ибо мало кто сомневался в надежности и прибыльности такого рода бизнеса. Можно даже сказать, что сама политика была подчинена бирже, а государственные обязанности – частным интересам участников партнерств (*participes*).

Это были первые хозяйственные корпорации. Они рассматривались как отдельные (юридические) лица, обособленные от своих членов и существующие безотносительно к их персональному составу. При этом участники подразделялись на тех, кто не просто владел долей в капитале корпорации, но и обладал определенными правами на управление ею (*socii*), и тех, кто только вкладывал средства в дело в расчете на часть полученной прибыли. Принадлежавшие им доли назывались *partes*, а если они были слишком незначительными – *particulae* [10, р. 120–127]. Непосредственное руководство компанией осуществлял ежегодно сменяемый магистр (*magister*). Совершая те или иные операции, он представлял ее саму, а не тех, кто за ней стоял. В каждом из провинциальных филиалов делами заведовал про-магистр (*pro-magistro*) с довольно большим штатом помощников [11, р. 57]. Таким образом, публи-

каны могли, с одной стороны, напрямую не вовлекаться в текущую деятельность, а с другой – отвечать по обязательствам корпорации не всем своим имуществом, а только в пределах внесенных вкладов.

Понятие юридического лица имело в древнеримском праве глубокие корни. Вначале оно применялось только к городам, которые попадали в зависимость от Рима, и было предназначено для обозначения населения как единого целого, возвышающегося над совокупностью составляющих его индивидов. И только потом это понятие стали понемногу распространять на сельские общины, провинции и различного рода кустарей и ремесленников. Юридическим лицом наделяли также коллегии жрецов и даже храмы. Так, купеческая гильдия (*collegium mercatorum*), учрежденная около 495 г. до н. э., первоначально олицетворяла собой храм Меркурия и предназначалась только для отправления религиозного культа [12, р. 60]. Такой же статус был предоставлен и многим другим объединениям – как профессиональным, так и политическим.

С самого начала Империи понятие юридического лица стало внедряться и в сферу частного права. Во многом это было обусловлено развитием системы муниципального управления, которое к тому времени достигло высокого уровня. Имущество муниципия (*municipium*), или городской общины, подводилось под правила частного права, а сам он расценивался как лицо, способное приобретать частные права и обязанности [13, р. 189]. Даже собственность государства, за исключением *res publicae* в узком смысле – как вещей, непосредственно предназначенных для совместного пользования всеми, – стала рассматриваться как коммерческая (*res in commercio*) и тем самым как бы сравнивалась с имуществом отдельных людей. Государственная казна (*aerarium*) также получила статус лица (персоны) и подпала под юрисдикцию суда. Она выступала «олицетворением государства как субъекта вещного права» [14, р. 19]. А с утверждением Империи казна принцепса выделилась в самостоятельное лицо под названием *fiscus*.

Правда, Савиньи полагал, что под *fiscus* подразумевалось «само государство как субъект частных правовых отношений», и если бы оно толковалось «как корпорация всех партнеров, образующих государство, это натянутое воззрение легко привело бы к запутанному уравниванию разнородных правоотношений» [15, р. 245]. Однако в практическом плане разведение *fiscus* и *aerarium* стало простым следствием разделения полномочий принцепса и сената.

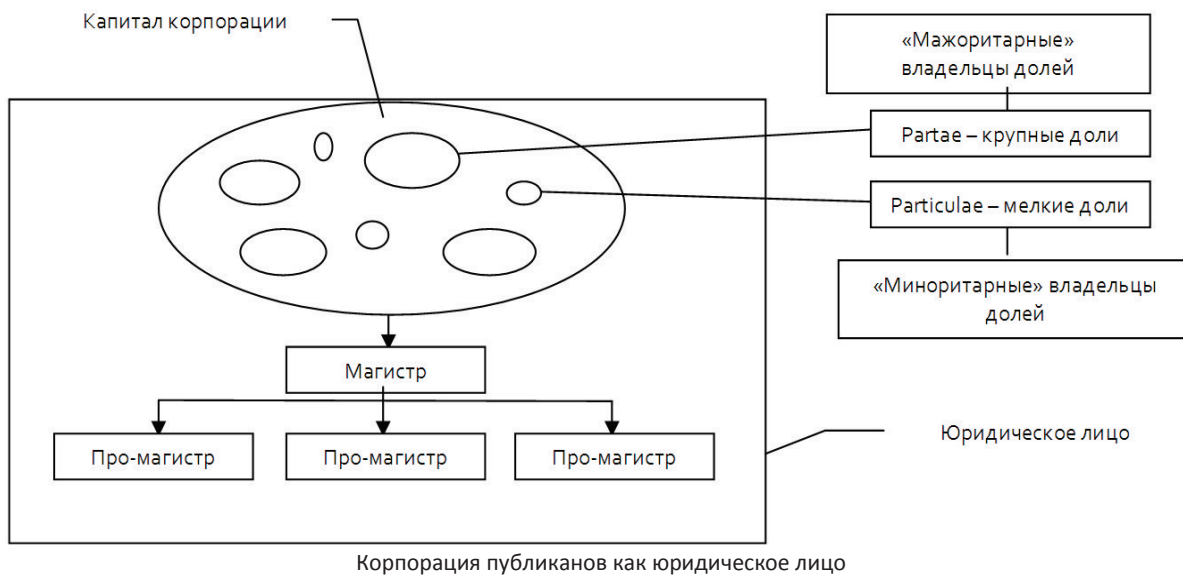
После этого выглядело вполне логичным, что «за законными обществами (*collegia, sodalitates, universitates*) также было признано право иметь собственность в целях частного права» [13, р. 190]. Если даже государство как *fiscus* представало перед судьей в качестве лица, то ничего удивительного, что понятие лица было распространено «в конце концов на всецело идеальные субъекты, как божества и храм» [15, р. 247]. Это воспринималось лишь как охват устоявшимся правовым статусом новой категории объединений людей.

Смысл юридического лица для делового партнерства заключался в том, чтобы придать ему отдельное тело (*corpus*), которое действовало бы в правовом отношении самостоятельно и в собственных интересах, не обязательно совпадающих с волей и устремлениями каждого из его участников. Корпорация могла распоряжаться своим имуществом, извлекать выгоду, брать обязательства, принимать наследство и т. д. Как коллективное целое она отделялась от индивидов, из которых состояла. От ее имени вправе были выступать только уполномоченные на то лица, а приобретаемые ею права и обязанности оставались за ней и не переходили к участникам. Изменения же в составе участников сами по себе мало влияли на содержание и характер деятельности.

Собственность корпорации принадлежала не участникам, а только ей самой. Особенно наглядно проявлялось это в отношении к ее рабам. Хорошо известно, что в Древнем Риме рабов зачастую пытали, чтобы выбить из них нужную информацию. Между тем специальным постановлением Сената, принятым еще во времена Республики, запрещалось требовать показаний против хозяев [16, р. 128]. По свидетельству Цицерона, этому обычно неукоснительно следовали, когда дело касалось жизни и смерти [17, р. 56]. Бывали, конечно, и исключения, когда на закон просто закрывали глаза, или же придумывались хитроумные способы обойти его. Именно так обстояло дело, когда Тиберий, чтобы выбить с помощью пыток сведения из рабов обвиняемого, приказал продать их представителю казны (*actor publicus*) [16, р. 128–129]. Нечто подобное происходило и при Августе, который поставил дело на поток, требуя при необходимости продать раба либо государству, либо ему лично [18, р. 393]. Однако в целом правило считалось непреложным. Но если раб принадлежал корпорации, показания, направленные против ее участников, сплошь и рядом выуживались из него под пытками. Ничего удивительного: им владела корпорация, а ее

участники не могли рассматриваться в качестве его хозяев. Зато ответственность участника ограничивалась лишь внесенным им вкладом, тогда как остальная его собственность была защищена от кредиторов корпорации. Точно так же ее имущество уберегалось как от самих участников, которые не были вправе

распоряжаться им по своему усмотрению, так и от их кредиторов, ибо на него не обращалось взыскание по сделанным участниками долгам. Тем самым государство создавало благоприятные и стабильные условия для осуществления работ, проводимых по его инициативе и в его интересах.

Участники владели долями в капитале корпорации, но не ее имуществом, которое являлось собственностью самой корпорации, безотносительно к персональному составу участников, и отвечали по ее обязательствам только в пределах внесенных ими вкладов (ограниченная ответственность). Корпорация в правовом плане имела отдельное лицо, от которого выступал магистр – непосредственный руководитель ее текущей деятельности, а на местах ее представляли про-магистры (территориальные заместители магистра).

Предоставление статуса юридического лица партнерствам, выполнявшим государственные контракты, позволило им аккумулировать гигантские средства и обеспечить себе дополнительную правовую защиту. Однако бурный рост бизнеса, наблюдавшийся во времена зрелой Республики, вызывал восторг далеко не у всего правящего класса. С одной стороны, главы некоторых финансовых компаний по уровню жизни встали вровень с сенаторами. А с другой – усиление хозяйственных корпораций не могло не привести к усугублению коррупции и злоупотреблениям. Огромное количество римских чиновников инвестировало в эти партнерства и, естественно, было заинтересовано в увеличении их прибылей. Известно много случаев, когда Сенат или высокопо-

ставленные лица на особых условиях передавали корпорациям земли и государственные контракты. Всё это вызывало острое недовольство и у населения. И, воспользовавшись дурной славой публичного бизнеса, власти решили обуздать его влияние.

В 64 г. до н. э. издается закон о полном упразднении почти всех корпораций. Правда, в основе их преследования лежали, прежде всего, политические мотивы, подразумевавшие недопущение объединений, настроенных против власти. Их притесняли, главным образом, за то, что они становились игрушками в руках вождей отдельных партий и тем самым угрожали безопасности государства. Так, изданный в 55 г. до н. э. закон о содружествах (lex Licinia de sodaliciis) предавал уголовному преследованию членов политических клубов и избирательных комитетов, провоцировавших народные волнения [19, р. 45]. Что же касается корпораций, далеких от политики, например, древних религиозных объединений, то они практически не пострадали.

Репрессии коснулись, естественно, и подавляющего большинства коммерческих предприятий с корпоративным статусом. Остались в стороне лишь крупные партнерства, собиравшие налоги (publica societas), где значительная доля принадлежала наиболее знатным и богатым семействам Рима. Однако че-

рез несколько лет стало очевидным, что экономика государства без деловых корпораций не справляется со своими задачами. И в 58 г. до н. э. закон о коллегиях, инициированный трибуном Клавдием, не просто восстановил большинство ранее ликвидированных, но и разрешил создавать новые корпорации для самых различных целей [19, р. 77–78].

Тем не менее, государство уже не снимало руку с пульса хозяйственной жизни и ввело для корпораций жесткий правовой режим. В 47 г. до н. э. Юлий Цезарь провел закон, резко ограничивший направления, в которых они могли вести свою деятельность. В свою очередь Август ввел разрешительный порядок их учреждения. Его закон о корпорациях (*lex Julia de collegiis*), с одной стороны, упразднял существующие корпорации, а с другой – устанавливал порядок учреждения новых. Желающий создать корпорацию должен был представить ее проект на одобрение властям. При этом обязательным условием для получения разрешения была государственная или общественная полезность будущей деятельности. Оно выдавалось сенатом по согласованию с императором, а позднее напрямую даровалось императором посредством специального акта [20, р. 117–119]. Функционирование в качестве корпорации без разрешения государства считалось большим преступлением, нарушитель подлежал суровому наказанию. И хотя уважение римлян к частной собственности было таково, что даже при роспуске корпорации капитал не изымался, а распределялся между участниками [21, v. II, р. 793: XLVII, xxii, 2–3], очевидно, что поле деятельности для юридических лиц с коммерческим предназначением было не слишком широким. Корпорации могли учреждаться «в весьма незначительном числе случаев» и функционировать лишь в отдельных сферах – сборе податей (*vectigalium publicorum*), а также в эксплуатации золотых, серебряных и соляных копеей. Такая привилегия предоставлялась в Риме и некоторым коллегиям, например, товариществам хлебопечков, а морским перевозчикам (*naviculariorum*) – еще и в провинциях [21, v. I, р. 96: III, iv, 1]. Что же касается остальных видов деятельности, то в них государство не проявляло особой заинтересованности. Отсюда понятно, что корпорации не могли быть чересчур многочисленными и играть всеобъемлющую роль в хозяйстве Древнего Рима.

Именно жесткий, если не сказать – драконовский, государственный контроль над инкорпорированием стал главной причиной трудностей, с которыми сталкивался римский бизнес. Власти не ви-

дели в объединениях, преследовавших «спекулятивные» цели, важный инструмент хозяйствования. Как замечал С. Болдуин, лучшим свидетельством тому является «факт, что корпоративное право <...> не обсуждается и даже не упоминается в “Институтах” Юстиниана» – труде, специально предназначенном для изучения начинающими юристами [22, р. 154]. В «Дигестах», правда, оно затрагивается. Но и там его роль отнюдь не выглядит ключевой.

Положение частного бизнеса

Господствующая роль публичных дел в римской экономике вовсе не означала, что частный бизнес (*negotium*) был в ней на птичьих правах. Публиканы, конечно же, не могли охватить своей деятельностью всю сферу деловых операций. За пределами правительственных контрактов оставалось немало место для частных инициатив. Правда, в отличие от публиканов, работавших на государство, «частники» действовали за свой счет и на свой риск, а потому их бизнес был не столь надежен и, за редким исключением, не мог достигать масштабов публичного.

Хотя обе эти разновидности предпринимательства не противопоставлялись друг другу, а кое-кто из состоятельных людей вкладывал свои средства и туда, и туда, нельзя не заметить, что они были совершенно разными по своей природе. Да и сферы деятельности отнюдь не совпадали. Если публиканы преуспевали, главным образом, в сборе налогов, выполнении государственных подрядов и крупномасштабных торговых операциях, то негоциаторы предпочитали среднюю торговлю, промыслы и банковские операции.

Излюбленным занятием для «частников» была торговля с «полуцивилизованными» народами, обитавшими на периферии империи и формально не подчинявшимися Риму, но состоявшими с ним в союзнических отношениях. Особенно часто и активно они вступали в сделки с галлами [23, р. 18, 29], но добрались и до Бельгии, и даже Британии [24, р. 79]. При этом римские коммерсанты, как и представители публичного бизнеса, не очень церемонились с такими партнерами и мало считались с их интересами, чем нередко вызывали у них резкое недовольство. Именно негоциаторы подтолкнули галлов к восстанию, которое началось с погрома негоциаторов в Генабуме. Нечто подобное привело и к войне с Митридатом [10, р. 95].

Широкое развитие деловых операций не могло не сказаться и на денежной системе тех, кто ее обслуживал. Менялы постепенно становились банкирами (*argentarii*). Они выдавали кредиты, прини-

мали депозиты и, более того, устанавливали «корреспондентские отношения» со своими коллегами, включая заморские территории, благодаря которым человек мог получить необходимые средства от местного банкира или передать тому сумму, которую другой банкир в совершенно ином месте выдаст нужному человеку. Когда Цицерон хотел открыть сыну кредит в Афинах, он уступил Аттику свои городские арендные платежи в Риме, а тот взамен дал своему банкиру в Афинах поручение кредитовать Цицерона на сумму и в счет собственных доходов от имения в Эпире [25, р. 69, 185]. За такую услугу, естественно, взимали определенные комиссионные. Кроме того, по письменному распоряжению клиента банкир мог совершать от его имени платежи – что-то вроде выдачи чека (*perscriptio*). Эта практика пришла из Греции, а туда – из восточных провинций, где «банковские услуги» давно уже стали системой.

Однако место, занимаемое частным бизнесом в римской экономике, не было вполне определенным. Некоторые считают его даже промежуточным между коммерцией и финансами, так как он имел дело и с той, и с другой сферой. А сам термин «*negotiator*» обозначал, по их мнению, что-то среднее между торговцем и банкиром [26, р. 147]. Но это, конечно же, чрезмерное упрощение реального положения дел.

Круг деятельности неготиаторов был весьма обширен. Настолько, что, по словам Уиттейкера, представляется «мучительно трудным установить, чем именно эти неготиаторы занимались». Значительная часть их усилий приходилась на поставки предметов первой необходимости. Причем торговали они в том числе и с дальними странами. Так, некий Фирм поддерживал тесные контакты с блеммями и сарацинами и регулярно посылал за товаром суда в Индию [27, р. 166–167]. Частные торговцы были вездесущи и неутомимы. Их не пугали ни расстояния, ни опасности, подстерегающие в пути. Так, на могиле одного из них в фригийском Гиераполисе было написано, что он за свою карьеру 72 раза обогнул Пелопоннес, плавая из Малой Азии в Италию и обратно [28, р. 112]. Не были чужды им и финансовые операции.

Разумеется, нередко неготиаторы выступали в качестве торговцев и банкиров одновременно. Но это вовсе не значит, что таков был весь частный бизнес. В большинстве случаев специализация конкретных предпринимателей была все-таки довольно узкой. Не говоря уже о том, что значительная часть их была сосредоточена на делах, не имеющих прямой

связи ни с обменом денег, ни с чисто торговыми операциями. Многие «частники» предпочитали, скажем, перевозку грузов или производство посуды. А некоторые из них даже изготавливали оружие.

Хотя роль частного предпринимательства была второстепенной по сравнению с публичным, оно, тем не менее, оказывало большое влияние не только на экономическое развитие государства, но и на политические процессы в нем и даже военные кампании. Именно неготиаторы, прокладывая маршруты и базируясь на передовых рубежах, во многом обеспечивали продвижение войск. Так, Юлий Цезарь отмечал, что римские отряды, идущие в Галлию, фактически повторили путь, проторенный частными торговцами через Альпы с большим риском для себя и под грузом значительных податей [24, р. 53]. Солдаты всегда могли воспользоваться их услугами и носили в поясах деньги, чтобы приобрести то, что им требовалось, прямо во время походов [29, р. 159]. Более того, готовя наступление на Британию, Цезарь именно от торговцев надеялся узнать о размерах острова, особенностях гаваней и их способности принимать большие суда, о численности населения, характере проживающих там людей, военном потенциале и других параметрах, важных для будущей кампании [24, р. 79]. И потому без особого преувеличения можно утверждать, что частный бизнес своей деятельностью не просто скреплял государство изнутри и способствовал поддержанию тесных контактов с соседями, но и служил незаменимой опорой для расширения его границ.

Да и представительство «частников» в жизни римского государства было не так уж мало. Известно, что в Утике сенат Катона Младшего состоял из трехсот римских неготиаторов, занимавшихся в Ливии торговлей и ростовщичеством [30, р. 379–381]. О численности тех, кто был вовлечен в частный бизнес, можно судить и по тому, что Митридат однажды спровоцировал уничтожение восьмидесяти, а по некоторым данным даже ста пятидесяти тысяч римлян, проживавших в пределах его досягаемости, большая часть которых была, естественно, связана с коммерцией [31, р. 25; 32, р. 405]. Причем до самого конца Республики «частники» принадлежали по большей части к сословию всадников. И среди них было немало знаменитых римлян. Так, когда карнаты истребляли римских граждан, поселившихся в Генабуме для ведения коммерческих дел, в числе пострадавших оказался и выдающийся всадник Фуфий Цита, который по приказу Цезаря занимался снабжением [24, р. 142]. Позднее, конечно, социаль-

ный состав частного предпринимательства существенно изменился.

Ко II в. н. э. богатство стало гораздо шире распределяться по империи. Оно оседало уже не только в Риме, но и в других городах, включая небольшие, и даже в отдаленных провинциях вроде Африки или Испании. Да и среди самих римлян бизнес сосредоточивался в руках не только и не столько сенаторов и наследственных землевладельцев, сколько вольноотпущенников и их потомков и даже рабов [33, р. 142–143]. Поскольку этим категориям населения напрямую трудно было пробиться в сферу публичного бизнеса, большая часть их развивала свою деятельность исключительно на частной основе.

Правда, нигде негоциаторы не пользовались благосклонностью местного населения. Исключение составляла разве что Сицилия, да и то скорее в воображении Цицерона, писавшего об этом [34, р. 218], нежели в действительности. И в этом нет ничего удивительного. Операции, которые они совершали, содержали в себе высокую долю риска и производились без государственного содействия. Чтобы вернуть долги, негоциаторы пытались, например, получить от губернатора провинции статус префекта с поддержкой войсками и, запугивая должников, вышибали из них даже больше, чем полагалось. Частный бизнес был крайне неразборчив в средствах. Время от времени его представители сговаривались между собой и удерживали монопольные цены на зерно [35, р. 405, 407, 421, 453]. Что же касается коррупции, то трудно себе представить, как без нее он мог бы соревноваться с корпорациями, непосредственно работавшими на государство или муниципалитеты.

Чтобы решать свои вопросы в провинциях, негоциаторы добивались поддержки не только у местных властей, но и у влиятельных людей в Риме. Об этом свидетельствует, в частности, просьба Цицерона к пропретору Вифинии и Понта помочь предпринимателю Лаэнию [9, р. 147]. Однако, несмотря на все издержки и злоупотребления, которые сопровождали частный бизнес в римском государстве, он выполнял там жизненно важную функцию, заполняя собой «пустоты», неизбежно оставляемые крупными корпорациями. Причем со временем не просто увеличивался его размах, но и росли хозяйственная роль и политическая значимость.

Это осознали и в самом Риме. Так, особая забота проявлялась о водном транспорте, который по своей эффективности безоговорочно превосходил наземный и использовался римлянами, где только было можно [36, р. 328]. Большие преимущества

предоставлял навикуляриям Клавдий, понимавший, что именно они доставляют в Рим львиную долю зерна. Льготы давались и тем, кто строил торговые суда [37, р. 37]. Перевозками на реках и речушках занимались лодочники. Часть из них под названием *caudicarii* с незапамятных времен (*ex antiquae consuetudine*) доставляла продовольствие в Рим по Тибру [38, р. 240]. В их партнерства, помимо них самих, входили еще и портовые рабочие: измерители, погрузчики, разгрузчики, носильщики и т. д. Это были, фактически, мелкие предприниматели, объединенные в своего рода кооперативы, чем существенно отличались от навикуляриев, которые в основном вели достаточно крупные дела. Правда, вопреки распространенному мнению (напр., [39, р. 83], далеко не все транспортники выступали в качестве частных предпринимателей. Многие из них, особенно в имперский период, были организованы в корпорации и составляли часть публичного бизнеса. Тем не менее, частные перевозчики представляли собой довольно внушительную массу, от которой во многом зависело благополучие Рима. И потому с ней, конечно же, нельзя было не считаться.

Цицерон ценил банкиров и крупных предпринимателей и полагал, что в своем деле они не знают себе равных, и о деньгах и их выгодном размещении дельный муж у Форума расскажет более толково, чем какой-нибудь философ, представляющий любую из школ [40, р. 264]. Характеризуя мелкую торговлю как вульгарную, разлагающую, Цицерон, тем не менее, полагал, что не только не заслуживают порицания, но и достойны похвалы те, кто вовлекается в крупные коммерческие предприятия. Это в особенности верно по отношению к торговцам, которые, получив значительные прибыли («насытившись»), покупают земельные угодья и на них сосредоточивают свои капиталы и энергию [40, р. 154]. Ему вторил Гораций, также убежденный в полезности коммерции. Разделяя воззрения своего времени о том, что люди бизнеса гонятся за богатством и являются рабами своих желаний и «дезертирами от добродетели», он, вместе с тем, не сомневался в ценности оказываемых ими услуг. «Дайте им помочь рынку и заполнить ваши кладовые и амбары, не уничтожайте их», – призывал поэт [41, р. 182]. И, надо полагать, он выражал общее мнение просвещенных кругов римского общества.

Если же говорить об отдельных представителях частного бизнеса, то некоторые из них воспринимались едва ли не как образцы для подражания. Так, Цицерон восхищался Марком Фульцинием, прибывшим из Тарквиния и ставшим в Риме одним из круп-

нейших банкиров [23, р. 39]. Но были и более могущественные негоциаторы. Скажем, Рабирий участвовал во многих предприятиях, выполнял масштабные проекты и даже выступал субподрядчиком по государственным контрактам. Он ссужал деньги городам и отдельным лицам, размещал средства более чем в одной провинции и предоставлял громадные суммы правителю Египта. Так что его можно было бы назвать банкиром сильных мира сего [42, р. 440]. Такого рода предприниматели способствовали, в конечном счете, усилению влияния римского государства.

Подъем капитализма в Риме

Основу как аграрного, так и ремесленного производства составляли в Древнем Риме индивидуальные хозяйства. Постепенно укрупняясь за счет поглощения мелких поместий, они превращались в огромные имения (*latifundia*), приближаясь по своим экономическим возможностям к публичным корпорациям. Мелкая собственность, конечно же, не исчезла. Но она стала играть второстепенную роль.

Многим это казалось разрушительным, и в 133 г. до н. э. Тиберий Гракх с помощью аграрных законов попытался обуздать крупных землевладельцев. Однако его усилия не увенчались успехом. В последние два века до нашей эры римская аристократия приобрела огромные состояния за счет эксплуатации колоний. «Крестьян-землевладельцев, – отмечал А. Джунс, – болезненно задевала длительная военная служба, и они были вынуждены продавать свои надель. Тем самым крупные поместья продолжали увеличиваться за счет небольших участков, а поскольку рабы были недороги, хозяева отдавали им предпочтение перед свободным трудом» [43, р. 192]. В результате рабы стали вытеснять полевых рабочих и пастухов в большинстве хозяйств. В конце концов процесс приобрел автокаталитический характер. Крупные хозяйства нуждались в относительно дешевой рабочей силе и тем самым поощряли работорговлю, а наличие обширного рынка рабов подталкивало к дальнейшему укрупнению хозяйств.

Понемногу менялись и структура производства, и региональное разделение труда. Первоначально землевладельцы в Италии сосредоточивались на выращивании зерна. Но после завоеваний и присоединения плодородных земель житницей Рима стали провинции. Что же касается крупных землевладельцев Апеннин, то они перешли, главным образом, на фрукты. Вокруг городов высаживались и виноградники. А овощи выращивались в тени фруктовых деревьев или виноградной лозы. Гораздо

больше внимания уделялось животноводству, в частности, разведению овец, свиней и лошадей [44, р. 231–233].

Правда, римская промышленность к концу Республики оставалась еще по преимуществу мелкой. Собственник вместе с семьей и двумя-тремя рабами или наемными ремесленниками в одном лице сочетал производителя и продавца. Об этом какое-то представление дают раскопки в Помпеях. Главные улицы города были застроены мелкими лавками, которые служили одновременно мастерскими и торговыми точками. Производились для местного потребления столовая посуда, железные инструменты, верхняя одежда, ювелирные изделия, лампы, столярные изделия, кухонная утварь и множество других вещей. Разумеется, были и более крупные предприятия, но они тоже не достигали «фабричных» масштабов. Ими поставлялись на местный рынок, в частности, черепица и большие винные кувшины из необожженной терракоты. Другие занимались дублением кожи, мельничным делом, пекли хлеб и т. д. Валка сукна и производство рыбных соусов широко использовались для экспорта. Что же касается изящной мебели, серебряных тарелок и сложных железных и бронзовых товаров, то они, вероятнее всего, импортировались [45, р. 270–271].

Однако постепенно промышленность стала набирать обороты – и не только в городах, но даже в селах. В поместьях, сочетавших растениеводство со скотоводством, зачастую создавались и производственные цеха. Это касалось не только собственно римских (италийских) хозяйств, но и тех, которые возникали и развивались в провинциях. На своих участках (*fundus*) хозяева возводили виллы, служившие, кроме места для проживания, еще и своего рода штаб-квартирами функционирующих там предприятий.

В Северной Галлии этих вилл было так много, что у археологов, отмечавших их местоположение вешками, карты пестрели от их обилия. По словам Кюмона, «виллы были оживленными ульями, в которых рои рабов и поденных рабочих занимались всеми ремеслами, необходимыми для функционирования государства, а иногда и для экспорта». В результате «к своим сельскохозяйственным прибылям хозяин добавлял прибыли фабриканта» [46, р. 42–43, 65]. На одной из вилл к югу от Тулузы найдена ткацкая фабрика. Учитывая, что там работало от 200 до 300 человек, нельзя не признать, что значительная часть изделий предназначалась для собственного потребления. Однако совершенно ясно, что

другая – и, возможно, более весомая – шла на продажу. На некоторых виллах Британии обнаружены также сукновальни [44, р. 301]. На вилле в Антее (Бельгия) работал цех по глазурированию бронзовых изделий [33, р. 166].

Италийское происхождение этих вилл бросается в глаза. Предполагается, что первыми их обитателями были либо переселившиеся туда колонны, либо разбогатевшие торговцы. Однако есть еще одна возможность, которая обычно недооценивается. Это ветераны, обладавшие всеми предпосылками и ресурсами для закрепления на окраинах империи в качестве предпринимателей.

Чтобы обеспечить самодостаточность армии, ее хозяйственный тыл и, в особенности, полноценное функционирование в мирных условиях, римляне набирали в нее представителей различных ремесел и профессий. Так, военный юрист II в. н. э. Тарруnten Патерн упоминает среди невоенных специалистов (*immunes*) одного из легионов землемеров, врачей, стеклодувов, медников, кораблестроителей, трубников, водопроводчиков, металлостроителей, каменщиков, кровельщиков, мясников и других [21, v. II, р. 920: L, vi, 7]. Эти лица занимались повседневными делами своего воинского соединения, строили дома и сооружения, снабжали личный состав продовольствием и одеждой и организовывали его быт, а иногда даже смотрели за копиями [47, р. 115–116]. В ходе армейской службы они не только усваивали, поддерживали и развивали определенные знания и навыки, но и приобретали опыт организации бизнеса, причем в довольно трудных и даже экстремальных обстоятельствах.

В военных крепостях создавались предприятия (*fabricae*), где многочисленные ремесленники и инженеры, принадлежавшие к личному составу соответствующего подразделения, производили и ремонтировали оружие и доспехи [48, р. 32]. Во многих фортах обнаруживаются следы этих предприятий в виде остатков сырья – металла, костей и кожи, – а также инструментов и побочных продуктов производства – например, железного и медного шлака [49, р. 70]. Подобный бизнес требовал к себе внимательного отношения и принятия быстрых и действенных решений, с чем могли справиться только хорошие администраторы. Способности оттачивались там до такой степени, что вести дела в гражданской жизни не составляло особого труда.

Многие из вышедших в отставку военных обладали и первоначальным капиталом, позволявшим им развернуть собственный бизнес. Каждый из них полу-

чал «выходное пособие» (*praemia militae*), которое со времен Августа составляло для преторианской гвардии (по истечении 16 лет службы) 20 тыс. сестерциев, а для прочих солдат (после 20 лет) – 12 тыс. [50, р. 452–453]. Производились также поощрительные выплаты (премии), которые иногда достигали весьма значительных размеров. Так, Марк Аврелий Антонин (Каракалла) выплатил в 215 г. своим гвардейцам за участие в военной кампании по 25 тыс. сестерциев и по 20 тыс. – всем остальным [50, р. 336–337]. Если добавить сюда сбережения, которые рачительные военные выкраивали из своего жалованья, нельзя не согласиться, что суммы, имевшиеся у них на момент отставки, вполне могли превышать 40 тыс. сестерциев [51, р. 210]. Простой расчет показывает, что их было достаточно, чтобы начать заниматься, например, сельскохозяйственным делом.

Плодоносящий виноградник вместе со всеми приспособлениями (стоечками и прутьями) стоил около 5–6 тыс. сестерциев. Один виноградарь вполне мог управиться с участком в семь югеров (примерно по 25 соток в каждом). Это не так уж мало, если учесть, что самые роскошные виноградники (например, Стенела или Реммия Палемона в Ментане) были всего лишь в 10–15 раз больше [52, р. 218–219]. Стало быть, даже при ставке на самого квалифицированного раба, который обошелся бы не дороже 6–8 тыс. сестерциев [53, р. 258–259], минимальные первоначальные затраты на обзаведение бизнесом оказались бы не больше 15 тыс. сестерциев, что легко укладывалось в «бюджет» среднего отставника.

Таким образом, часть ветеранов располагала как необходимой технической квалификацией (профессиональными умениями и навыками) и предпринимательским опытом, так и финансовыми средствами для собственного бизнеса. И многие из них, безусловно, воспользовались этой возможностью – в особенности те, кто решил поселиться в отдаленных провинциях. Вливаясь в ряды предпринимателей и вкладывая в дело накопленный капитал, усвоенные навыки и умения, а также упорство и настойчивость, они создавали «точки кристаллизации» капиталистического производства. В значительной степени благодаря их усилиям, частный бизнес приобрел широкий размах и превратился в один из столпов экономики Древнего Рима.

Загадка дорогих рабов

Сердцевину римского капитализма составляли рабы. Они пронизали собой всё хозяйство, и казалось, без них оно в конце Республики – начале Империи было неспособно функционировать. Спрос на

рабов стал настолько большим, что не мог не привести к их резкому удорожанию.

Еще в середине прошлого столетия нехитрые подсчеты позволили А. Джоунсу прийти к выводу, что во II в. н. э. раб стоил примерно в восемь раз дороже, чем в Греции IV в. до н. э., если брать за основу его годовое содержание [43, р. 194]. А сравнительно недавно В. Шейдель развернуто показал, что цены на рабов в Римской империи были значительно выше уровня оплаты свободного труда, чем в классических Афинах [54]. Такое предпочтение римлянами рабского труда свободному выглядит довольно странным и во всяком случае неожиданным. Неудивительно, что оно ставит в тупик многих исследователей, которые, исходя из чисто экономических соображений, не в силах понять, как и почему такое могло случиться.

Чем же объясняют этот примечательный факт?

Джоунс полагал, что всё дело было в нехватке рабов. Из-за этого ко II веку н. э. «цена на них поднялась так высоко, что многие землевладельцы предпочли разделить на участки свои имения и сдать внаем свободным арендаторам». Правда, позже предложение рабов несколько увеличилось, а цены на них соответственно снизились. Тем не менее, они «по-прежнему оставались слишком редкими и дорогими, чтобы использовать их в сельскохозяйственных работах» [55, р. 794]. Но можно ли удовлетвориться такими доводами?

Очевидно, нет. С одной стороны, увеличение цен на рабов почти во всем римском мире начало происходить гораздо раньше. Анализируя данные, касающиеся выкупа, уплачиваемого рабами за свое освобождение в Греции, К. Гопкинс зафиксировала устойчивый рост его в течение последних двух веков до н. э. По ее оценкам, в среднем размер выкупа увеличился примерно наполовину. Она справедливо увязывает это с повышением цен на рабов, что, в свою очередь, было вызвано резким их удорожанием в Италии [56, р. 158–159]. Между тем тогда о дефиците рабов в сельском хозяйстве не могло быть и речи. Напротив, благодаря успешным завоевательным войнам, которые вело римское государство, рынки были переполнены рабами. А с другой стороны, даже в имперскую эпоху рабы, хотя и были дорогим товаром, никогда не являлись роскошью. Они оставались вполне доступными для состоятельных хозяев. Вплоть до поздней античности цены на них сохранялись в пределах 2–6 тонн зерна [57, р. 235]. Ни увеличение предложения, ни вытеснение рабов из некоторых сфер (например, сельского хозяйства)

не сказывались значительно на их ценности, а главное – в целом они продолжали котироваться выше, чем свободная рабочая сила.

По мнению Шейделя, дешевизна рабского труда по сравнению со свободной рабочей силой в классической Греции объясняется просто. Узость рынка рабов и ограниченность спроса на них «стабилизировали цены на рабов на относительно низких уровнях» [54, р. 15–16]. Что же касается имперского Рима, то там высокие цены на рабов нельзя объяснить только их нехваткой. Немалую роль сыграли перипетии, связанные со свободными работниками.

Широкое проникновение рабского труда в экономику Италии в последние века Республики было связано с огромным предложением относительно дешевых рабов, взятых в плен в ходе завоевательных походов. Но в тот же период и из-за тех же войн значительно сократилась численность свободного населения, а стало быть, и размер наличной рабочей силы. Так что рабы представляли собой ее доступную замену. «Исключительно высокий уровень военной мобилизации и крупномасштабная миграция, – отмечает Шейдель, – препятствовали стабильной долгосрочной занятости. Эти процессы совпали с беспрецедентным ростом накопления капитала элитой и соответствующим избытком возможностей для порабощения побежденных врагов и приобретения иностранных рабов» [58, р. 116]. Поэтому целые имения заселялись рабами, которые выполняли в них все мыслимые виды работ. Спрос на них резко повысился, и они, естественно, стали дороже. В Египте же, находившемся под властью Рима, рабский труд был не очень востребован, так как высокая плотность населения позволяла справляться с задачами, не прибегая к нему.

Когда в имперский период почти прекратились крупные военные мероприятия, а вместе с ними масштабные мобилизации, всё вернулось на круги своя. Имения стали дробиться на отдельные участки, которые передавались свободным арендаторам, так как рабы обходились хозяевам слишком дорого. А поскольку свободной рабочей силы было слишком много, оплата ее по-прежнему оставалась низкой.

Однако такой ход рассуждений чересчур уязвим. Он не отвечает на вопрос, почему рабы, утратившие былую значимость и вытесняемые из хозяйства, не просто не становились дешевле, но и существенно превосходили по своей стоимости оплату труда свободных работников. Сам Шейдель тоже осознает это. Когда, вслед за августовскими преобразованиями, требования государства к гражданам

резко ослабли, «население выросло, а экспортные рынки сжались, сравнительная выгода от рабства по отношению к свободному наемному труду и аренде должна была упасть» [58, р. 120]. Но этому нет ни малейшего свидетельства. Во всяком случае соотношение цен на рабов и оплаты свободного труда принципиально не изменилось. Почему? А главное – зачем вообще нужны были рабы хозяевам, если вокруг было так много дешевой рабочей силы, которую к тому же не нужно было содержать?

Шейдель озадачен и не может дать вразумительного ответа. Он лишь строит полушутливые предположения. А может, рабство вовсе и не занимало большого места в период зрелой Империи? Его сохранение в позднеимперский период «может быть во многом иллюзорным». Или же выживание этой «раздутой системы» было обусловлено всего лишь страстью римлян к власти над себе подобными как таковой [58, р. 126]? Но такие доводы больше свидетельствуют о растерянности выдвигающего их, нежели позволяют понять функции рабского труда. Ведь сохранение рабства и его предпочтительность для римлян по сравнению со свободным трудом являются непреложным фактом. А ссылка на их особую психологию, не столько связанную с условиями жизни, сколько порождающую эти условия, не говоря уже о ее фантастичности, легко опровергается собственным анализом Шейделя, который показывает, что установки и ориентиры хозяев относительно рабского труда, сфер и форм его применения довольно быстро менялись, как только переставали соответствовать стоявшим перед ними задачам.

Так, рабы, которые в конце Республики уже составляли становой хребет аграрного производства, в начале Империи утрачивают эту роль. Прекращение масштабных завоевательных войн и установление законности и порядка на всей территории Империи, с одной стороны, резко сократило приток новых рабов и привело к увеличению цен на них, а с другой – позволило существенно вырасти численности населения Италии и смягчить мобилизационные требования к нему. В результате ощутимо расширилось место свободных граждан на рынке труда, и они снова оказались для землевладельцев более предпочтительными сельскохозяйственными работниками, нежели рабы.

Понимая недостаточность шейделевского объяснения роли системы рабства в истории Рима, Темин предлагает иной подход. Он полагает, что «ценовое различие» между классической Грецией и Римом времен Империи обусловлено не количествен-

ными, а качественными факторами, а именно «различными качествами рабов в двух системах». Отличительной особенностью рабства в Риме было, по Темину, то, что оно представляло собой открытую систему и предоставляло рабам хорошие шансы на освобождение. Это «создавало условия для образованных и ценных рабов». А потому неудивительно, что в целом рабы в Риме стоили дороже. «Точно так же, как оплата труда образованных и квалифицированных свободных работников была выше, – заключает Темин, – выше были и цены на образованных и квалифицированных рабов» [59, р. 137–138]. Выходит, ключом к разгадке является общий уровень умений и навыков рабов в имперском Риме. Вопрос вовсе не в том, как оценивали в Риме рабов, а в их составе. Среди них было гораздо больше умелых и знающих свое дело, чем в классической Греции. А потому ничего удивительного, что стоили они существенно дороже.

Но такая трактовка истории не просто выглядит натянутой, но и не имеет ничего общего с фактами. Во-первых, рабы в классической Греции далеко не всегда были людьми грубого физического труда. Среди них были и писатели, и философы, и инженеры, и даже банкиры. И они вряд ли уступали по «качеству» своим римским собратьям. Во-вторых, трудно себе представить, где римляне могли набрать такое количество умелых и образованных рабов, чтобы, благодаря им, ценность рабского труда в целом многократно превосходила ту, что была в Греции до ее завоевания Римом. И, наконец, в-третьих, непосредственное сопоставление римских и греческих рабов примерно одинакового уровня наглядно свидетельствует, что между ними существовало то же «ценностное» соотношение, которое было характерно для всей совокупности в целом. Например, неквалифицированный раб стоил в Риме II в. до н. э. от 500 до 600 денариев, тогда как в Афинах IV в. до н. э. – 125–150 драхм. А если учесть, что покупательная способность денария была почти вдвое выше, чем драхмы, выходит, что римский неквалифицированный раб оценивался в 7–8 раз выше греческого [43, р. 194]. Так что разница в ценах на римских рабов времен Империи по сравнению с греческими из классических Афин никак не могла обуславливаться их квалификацией. В действительности причина лежит гораздо глубже, и чтобы ее отыскать, нужно разобраться в особенностях римской системы рабства.

К такой постановке вопроса приблизился Харпер. Он отталкивается от шейделевской трактовки

развития рабства в Древнем Риме и справедливо отмечает, что, отдавая предпочтение рабам перед свободными работниками, хозяева исходили не только и не столько из потребности в труде как таковом, сколько из его стабильности и управляемости. Для них более приемлем был раб, который всегда находится при хозяине и не может отказаться от работы, нежели – пусть и чуть более квалифицированный – свободный работник, которого в любое время могут призвать в армию, или же он сам вздумает выбрать для себя иное занятие, ставя хозяина перед необходимостью срочного поиска и адаптации новой рабочей силы, что в свою очередь чревато потерей времени и дополнительными затратами. Тем не менее, Харпер, вслед за самим Шейдемом, не может не признать, что «сохранение рабского труда представляет собой нечто вроде головоломки. Если спрос на труд порождается так или иначе политически, тогда почему рабский труд настолько пережил уникальные условия позднереспубликанской Италии?» Харпер обещает дать свое собственное «объяснение, которое не отвергает свидетельство как иллюзию и не предполагает, что римское рабство было основано на иррациональной жажде власти как таковой» [60, р. 151]. Однако в действительности всё ограничива-

ется только отчетливым артикулированием двух утверждений, которые в неявной форме присутствовали также у Шейделя.

Во-первых, свободный труд и труд рабов нельзя считать «совершенными» конкурентами, так как они не были полностью взаимозаменяемыми. А во-вторых, рабский труд получал в Риме, в том числе имперском, столь высокую оценку не просто в качестве непосредственного источника необходимой продукции, но и в силу того, что в римском хозяйстве «рабы применялись в таких ролях, которые оправдывали их высокую стоимость» [60, р. 215]. Оба эти положения не просто верны, но и являются основой для понимания того, почему система рабства играла в Риме столь основополагающую роль. Однако беда в том, что Харпер не раскрывает их сути, не разъясняет, в чем конкретно свободный труд не мог конкурировать с рабским и какие именно роли, в которых выступал рабский труд, повышали его цену в глазах хозяев. А потому выводы Харпера не только не проливают света на соотношение этих двух видов труда, но сами остаются криптограммой, нуждающейся в расшифровке.

Так в чем же ключ к этой загадке?

(Продолжение следует)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Petrosyan A. E. Within a Nutshell (The Mental Roots of Human Insusceptibility to New Ideas) // J. of the Knowledge Economy. 2015. Vol. 6, no. 1. P. 157–189.*
2. *Stevenson G. H. Communications and Commerce // The Legacy of Rome. Bailey C. (ed.). Oxford : Clarendon Press, 1924. P. 141–172.*
3. *Erdkamp P. The Corn Supply of the Roman Armies during the Third and Second Centuries B.C. // Historia: Zeitschrift für alte Geschichte. 1995. Bd. 44, h. 2. P. 168–191.*
4. *Badian E. Publicans and Sinners: Private Enterprise in the Service of the Roman Republic. Ithaca : Cornell University Press, 1972.*
5. *Fowler W. W. Social Life at Rome in the Age of Cicero. N. Y. : Macmillan, 1913.*
6. *Polybius. The Histories. Vol. III. Cambridge (MA) : Harvard University Press; L. : William Heinemann, 1879.*
7. *Cunningham W. An Essay on Western Civilization in its Economic Aspects (Ancient Times). Cambridge : At the University Press, 1911.*
8. *Plutarch. Lives of Illustrious Men. Vol. I. Troy (NY) : Nims and Knight, 1889.*
9. *Cicero M. T. The Letters to His Friends. Vol. III. L. : William Heinemann, Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1960.*
10. *Deloume A. Les manieurs d'argent à Rome jusqu'à l'Empire: Étude historique. Paris : Ernest Thorin, 1892.*
11. *Herbermann Ch. G. Business Life in Ancient Rome. N. Y. : Harper, 1880.*
12. *Livius T. The History of Rome. Vol. I. L. : Jones, 1830.*
13. *Sohm R. The Institutes: A Textbook of the History and System of Roman Private Law. Oxford : Clarendon Press, 1907.*
14. *Maisonabe N. A.-A. Des personnes juridiques en droit romain. P. : Goupy, 1865.*
15. *Savigny F. C. von. System des heutigen Roemischen Rechts. B. II. B. : Deit, 1840.*
16. *Tacitus. The Annals. B. I–VI. L. : John Murray, 1904.*

17. *Cicero M. T. Pro S. Roscio Amerino*. L. : University Tutorial Press, 1906.
18. *Dio Cassius*. Roman History. Vol. VI. L. : William Heinemann; N. Y. : G. P. Putnam's Sons, 1917.
19. *Mommsen Th.* De collegiis et sodaliciis Romanorum. Kiliae : Libraria Schwersiana, 1843.
20. *Waltzing J. P.* Etude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains depuis les origins jusqu'à la chute de l'Empire d'Occident. T. I. Louvain : Charles Peeters, 1895.
21. *Digesta Iustiniani Augusti*. Krueger P., Mommsen Th. Vol. I–II. Berolini : Apud Weidmannos, 1870.
22. *Baldwin S. E.* Modern Political Institutions. Boston : Little, Brown, and co., 1898.
23. *Cicero M. T.* The Orations of Marcus Tullius Cicero. Vol. II. L. : G. Bell & Sons, 1917.
24. *Caesar G. J.* Gallic War: Complete edition. Boston (MA) : Ginn & co., 1895.
25. *Cicero M. T.* Letters to Atticus. Vol. III. L. : William Heinemann, 1961.
26. *Oliver E. H.* Roman Economic Conditions to the Close of the Republic. Toronto : University of Toronto Library, 1907.
27. *Whittaker C. R.* Late Roman Trade and Traders // Trade in Ancient Economy. Ed. by Garnsey P., Hopkins K., Whittaker C. R. Berkeley; L. A. : University of California Press, 1893. P. 163–180.
28. *Keppie L.* Understanding Roman Inscriptions. N. Y. : Routledge. Livius T. (1830). The History of Rome. Vol. I. L. : Jones, 2010.
29. *Livius T.* The history of Rome. Vol. II. Philadelphia : Thomas Wardle, 1836.
30. *Plutarch*. Lives. Vol. VIII. L. : William Heinemann; N. Y. : G. P. Putnam's Sons, 1919.
31. *Valere Maxime*. Faits et paroles memorables. T. III. P. : Panckoucke, 1835.
32. *Plutarch*. Lives. Vol. IV. Cambridge (MA) : Harvard University Press, L. : William Heinemann, 1859.
33. *Rostovtseff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford : Clarendon Press, 1926.
34. *Cicero M. T.* The Orations. Vol. I. L.; Henry G. Bohn, 1856.
35. *Cicero M. T.* Letters to Atticus. Vol. I. L. : William Heinemann; N. Y. : G. P. Putnam's Sons, 1919.
36. *Kehne P.* War- and Peacetime Logistics: Supplying Imperial Armies in East and West // A Companion to the Roman Army. Erdkamp P. (ed.). Malden (MA) etc. : Blackwell, 2007. P. 323–338.
37. *Svetonius*. The Lives of the Caesars. Vol. II. L. : William Heinemann; Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1959.
38. *Seneque L. A.* Ouevres completes de Seneque le Philosophe. T. III. P. : Panckoucke, 1832.
39. *Masson P.* Les corporations: Etude historique et juridique. P. : Arthur Rousseau, 1888.
40. *Cicero M. T.* De officiis. L. : William Heinemann; N. Y. : Macmillan, 1913.
41. *Horace*. The Epodes, Satires and Epistles. L. : William Pickering, 1845.
42. *Cicero M. T.* The Orations. Vol. III. L. : George Bell & Sons, 1875.
43. *Jones A. H. M.* Slavery in the ancient world // Economic History Review. 1956. Vol. 9, no. 2. P. 185–199.
44. *Toutain J.* The Economic Life of the Ancient World. L. : Kegan, etc., 1930.
45. *Trevar A. A.* History of Ancient Civilization. Vol. II. The Roman World. N. Y. : Harcourt, Brace, and co., 1939.
46. *Cumont F.* Comment la Belgique fut romanisee. Bruxelles : Maurice Lamertin, 1919.
47. *Elton H.* Frontiers of the Roman Empire. London : Batsford, 1996.
48. *Breeze D. J.* Roman Forts in Britain. Princes Risborough : Shire, 2002.
49. *Maxfield V. A.* Pre-Flavian Forts and Their Garrisons // Britannia. 1986. Vol. 17. P. 59–72.
50. *Dio Cassius* Roman History. Vol. IX. L. : William Heinemann; Cambridge (MA) : Cambridge University Press, 1955.
51. *Duncan-Jones R.* The Economy of the Roman Empire: Quantitative Studies. Cambridge : Cambridge University Press, 1982.
52. *Pliny*. Natural history. Vol. IV. L. : William Heinemann; Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1960.
53. *Columella Lucius Junius Moderatus*. On Agriculture. Vol. I. L. : William Heinemann, 1960.
54. *Scheidel W.* Real Slave Prices and the Relative Cost of Slave Labor in the Greco-Roman World // Ancient Society. 2005. Vol. 35, no. 1. P. 1–17.
55. *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic, and Administrative Survey. Vol. II. Oxford : Blackwell, 1964.
56. *Hopkins K.* Conquerors and Slaves. Cambridge etc. : Cambridge University Press, 2007.
57. *Harper K.* Slavery in the Late Roman World, AD 275–425. Cambridge : Cambridge University Press, 2011.

58. *Scheidel W.* The comparative economics of slavery in the Greco-Roman world // Dal Lago E., Katsari C. (eds.). *Slave Systems Ancient and Modern*. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 105–126.

59. *Temin P.* *The Roman Market Economy*. Princeton; Oxford : Princeton University Press, 2013.

60. *Harper K.* Slave Prices in Late Antiquity (and in the Very Long Run) // *Historia: Zeitschrift fuer alte Geschichte*. 2010. Vol. 59, no. 2. P. 206–238.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петросян Армен Эрнстович – доктор философских наук, независимый исследователь; e-mail: moi@ins-car.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petrosyan Armen Ernstovich – Doctor of Philosophical Sciences, Independent Researcher; e-mail: moi@ins-car.ru; Site: www.ins-car.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Петросян А. Э. Рутинная природа радикальной инновации (Истоки и становление частной долевой компании в Древнем Риме). I. От публиканов к negociatorum // *Вестн. Ом. ун-та*. 2019. Т. 24. № 1. С. 29–43. DOI : 10.25513/1812-3996.2019.24(1).29-43.

FOR CITATIONS

Petrosyan A.E. The routine nature of radical innovation. (The Origins and Making of Private Share Company in Ancient Rome). I. From publicans to negociatores. *Vestnik Omskogo universiteta = Herald of Omsk University*, 2019, vol. 24, no. 1, pp. 29–43. DOI: 10.25513/1812-3996.2019.24(1).29-43. (in Russ.).